

Глава 1

ОБЫКНОВЕННЫЙ АДЮЛЬТЕР

Среди самых распространенных преступлений в столице Российской империи значились кражи, мошенничества и присвоения чужой собственности. Таковых за год учитывалось Центральным статистическим комитетом до двенадцати тысяч и даже более, если считать с пригородами. А вот убийств выходило не более пятидесяти. Нет, вообще смертей было порядочно, раньше срока мерли исправно: от неосторожности на фабриках и заводах, от несчастных случайностей, самовольных расчетов с жизнью, от неосторожной езды, обрушившихся построек, падений в пьяном виде или от болезненных припадков, от укушений и ударов животными, при ссорах и драках — словом, возможностей расстаться с жизнью по причинам неестественного свойства в Петербурге имелось предостаточно. Но вот именно чтобы умышленное смертоубийство — такое считалось явлением чрезвычайным.

Оттого известие о двойном убийстве, совершившемся в шестом часу вечера в меблирован-

ных комнатах второго этажа дома 31 на углу Гороховой и Садовой, с которым в третий участок Спасской части ввалился рыжебородый околоточный надзиратель Свинцов, наделало там немало беспокойства. Ничего внятного Свинцов сообщить не мог, поскольку известие получил от старшего дворника Мошкова, который был так потрясен происшествием, что лишился способности делать сколько-нибудь складные умозаключения. «Револьвером, револьвером убил!» — вот все, что можно было разобрать в бессвязном бормотании дворника. Кто? Кого? По какой причине? — все остальные вопросы Мошков игнорировал и вместо ответа делал круглые глаза и изображал выстрелы:

— Бац! Бац!.. Револьвером!

Свинцов велел старшему дворнику возвращаться и сторожить трупы, а сам поспешил в участок.

Пристав Троекрутов решил самолично отправиться на место, понимая, что с утра ему придется докладывать о ходе расследования самому директору департамента. А еще того хуже — как бы этот директор и сам с инспекцией не пожаловал на место, — ему ведь тоже с утра на доклад к министру, дело нешуточное.

Евсей Макарович обратился к зеркалу для проверки основательности собственного вида и невольно засмотрелся на золотой крест с красной эмалью у себя на шее. «Владимира» III степени, а вместе с ним и 150 рублей ежегод-

ной пенсии, начальник третьего участка Спасской части был удостоен полгода назад за разоблачение шайки мошенников, придумавших выманивать деньги у благонамеренной публики за сеансы медиумических бесед с усопшими родственниками. Верховодила бандой одесская аферистка Катя-Дудка, прибывшая в столицу под видом французской прорицательницы. Самы подельники эту мадам в конечном счете и кокнули, но из рук правосудия улизнуть не сумели. Евсей Макарович провел стремительное расследование и схватил виновных. Убийцей оказался некто месье Люк, он же Гришка-Капай, который хотя и отказывался от исполненного злодейства, был все же признан присяжными виновным и получил семь лет каторги с лишением всех прав состояния. И только немногие знали, что истинной причиной высокой награды Евсея Макаровича явились его заслуги в деле о спасении ни много ни мало судьбы денежной реформы, висевшей весной этого года буквально на волоске. Но об этом секретном деле приставу распространяться было строго-настрого запрещено.

— А где Ардов? — вдруг всполошился он. — Надо бы его тоже... Два трупа — дело нештучное.

— Уже послали, — успокоительным тоном доложил старший помощник, худой высокий штабс-капитан фон Штайндлер, усердно елозивший щеткой по плечам начальника.

Илья Алексеевич Ардов состоял при участке по сыскному департаменту, и подобного рода происшествия всецело относились до его ведения. После того дела с денежной реформой ходили упорные слухи, будто Ардову приготовили кресло повыше — одни уверяли, что для него уже очистили кабинет при штабе Отдельного корпуса жандармов, другие же настаивали, что со дня на день бывший сыщик займет место начальника личной канцелярии господина обер-полицейстера. Однако, к немалому удивлению Евсея Макаровича, Ардов продолжил каждое утро являться на службу в участок на углу Фонтанки и Горсткина. Более того, у молодого человека ни на фунт не прибавилось высокомерия и спеси, расцвет которых было бы резонно ожидать после столь успешного дела. Даже как будто напротив — Илья Алексеевич сделался еще более замкнутым и едва ли не испуганным. «Все-таки парень со странностями», — приходил обыкновенно к выводу Троекрутов и этим прерывал изредка набегавшие недоумения.

Сегодня с утра старший помощник пристава отправил Ардова расследовать пропажу нижнего белья отставного прапорщика Горчицына на портомойне в Мучном переулке. Никакого ропота, на который рассчитывал фон Штайндлер, от Ардова получить не удалось — сыщик с готовностью принял поручение и отправился производить расследование.

В гостиной квартиры, куда в сопровождении чинов полиции прибыл участковый пристав, действительно имелось два трупа. В кресле неподвижно сидел мужчина в мундире морского офицера. Капитан-лейтенант опустил голову на грудь, словно решил вздремнуть. Можно было бы предположить, что он вот-вот очнется, если бы не едва заметное на черном сукне отверстие прямо напротив сердца. На ковре рядом с правой его ногой валялся револьвер системы Нагана.

Ближе к распахнутому окну, на ковре, навзничь расположился полноватый господин в креповом пиджачном костюме. На горчичном жилете отчетливо различались два темных пятна.

— Одна пуля в животе, другая — в груди, — сообщил Жарков, осматривая труп.

Письмоводитель участка, розовощекий юнец Андрей Андреевич Спасский, наконец-то привел в рабочее состояние переносной канцелярский прибор, разложил на нем бланк протокола и принялся записывать наблюдения криминалиста.

— Что можете сказать об обстоятельствах происшествия, Петр Павлович? — спросил Троекрутов.

— Можно допустить, что предполагалась приятельская встреча, — Жарков кивнул на круглый стол, где стояла еще не откупоренная пузатенькая бутылка «Эксцельсиора», — да что-то вспыхнуло...

Жарков подобрал револьвер и взглянул в откинутый барабан.

— Господин офицер выпустил три пули, — продолжил криминалист, — две из которых угодили в собеседника.

— А третья где? — удивился пристав.

— Возможно, вылетела в окно, — допустил Жарков и отодвинул тюлевую занавеску, прикрывавшую распахнутые створки.

— А кто же тогда прихлопнул его самого?

— Вероятно, имелся и третий участник, — сделал еще одно предположение Петр Павлович. — Произвел выстрел из своего оружия и сиганул.

Пристав навалился пузом на подоконник и, перевесившись наружу, посмотрел вниз. Под окном имелась крытая дранкой покатая крыша деревянного сарая, пристроенного вплотную к стене дома, так что идея покинуть помещение через окно была не лишена оснований.

Убийство военного на территории вверенного участка весьма раздосадовало Евсея Макаровича — теперь уж точно проверяльщики не избежать.

— Кто таков, известно? — глухо спросил он, ни к кому прямо не обращаясь.

— Капитан-лейтенант Лундышев Александр Петрович, хозяин квартиры, — доложил Свинцов, уже успевший привести старшего дворника в чувство и выудить нужные сведения. — Служит на Обуховском сталелитейном заводе.

— Обуховском?.. — переспросил Евсей Макарович и посмотрел на старшего помощника, желая получить хоть какие-то объяснения случившемуся.

— Контр-адмирал Шанц, — склонившись к уху, напомнил фон Штайндлер личность председателя правления военного завода.

К ужасу участкового пристава, вытанцовывался целый заговор.

«Пара господ заявила с шампанским к военному инженеру и попыталась склонить к чему-то неблагоприятному... Возможно, имели место и угрозы... В ответ на гнусные подстрекательства герой извлек из кобуры револьвер и шлепнул одного из негодяев. К несчастью, второй оказался проворнее и успел расправиться с капитан-лейтенантом... И сиганул в окошко... — Троекрутов тяжело вздохнул. — Где его теперь искать-то?.. А без убийцы закрыть ведь дело не дадут, будут трепать на каждом совещании — вот, мол, у тебя, Евсей Макарыч, морских офицеров среди бела дня в собственных квартирах жизни лишают, а вы там у себя и в ус не дуετε...»

— Почему это не дуем? — обиделся он и тут же сообразил, что сказал это вслух.

Чины полиции с удивлением уставились на начальника.

— Я говорю, у нас тут морского офицера в собственной квартире хлопнули, а вы, господа, и в ус не дуετε! — строго сказал он.

Возразить на это было нечем.

— Что мы можем сказать господину контр-адмиралу? — продолжил распалтаться Троекрутов, принявшись расхаживать по комнате. — Почему убили этого Лундышева?

С военными, как хорошо знал Евсей Макарович, дела обыкновенно добром не кончались: своих они зачесть в преступники никогда не соглашались, а совсем без виновных закрыть дело в управлении тоже не позволяли — вот и приходилось всякий раз при подобных случаях изобретать злоумышленников из числа беспаспортной рвани, надерганной в беспричинной облаве где-нибудь в «Вяземской лавре». Дело это было хотя и привычное, но малоприятное, да и — чего уж тут греха таить — с законом никак не образующееся.

Евсей Макарович все больше закипал, понимая, что размеренное течение жизни, до которого он был большой охотник, в ближайшее время обернется бурлящей стремниной.

— А это кто таков есть? — указал он на второй труп и уже собрался было распечь подчиненных, не умеющих ответить на элементарный вопрос.

— Это репортер Чептокральский, — раздался мягкий голос.

Присутствующие оборотили взоры к двери — в проеме стоял молодой человек лет 25. Это был чиновник сыскного отделения Илья Алексеевич Ардов, которого посыльный разыскал в портомойне в Мучном переулке и изве-

стил о приказе срочно явиться по указанному адресу. Он уже некоторое время молча наблюдал за происходящим.

— С чего вы это взяли? — хмыкнул старший помощник фон Штайндлер, которого раздражала манера молодого сыщика делать безапелляционным тоном взятые с потолка утверждения.

— Мы были знакомы, — пояснил Илья Алексеевич. — Он служил в «Санкт-Петербургских ведомостях», вел колонку криминальной хроники.

Как и положено этой братии, Чептокральский был типом энергичным и беспринципным, имел обширные связи среди половых, гостиничных привратников и уличных попрошаек, от которых за умеренную плату получал сведения о происшествиях, способных заинтересовать читателя. Зарабатывал неплохо, но быстро все спускал в кутежах и амурных похождениях, потому вечно пребывал в долгах и, как следствие, в поисках очередной криминальной сенсации. У Ардова с Чептокральским установился род деловых отношений, при которых сыщик время от времени обменивал у репортера несущественные детали какого-нибудь шумного расследования на сведения из глубин петербургской криминальной среды, которые Чептокральский хранил в своей голове без всякой системы в огромных количествах и с легкостью делился со всеми, кто мог посулить за них хоть гривенник. Был он человеком легкого и беспутного нрава,

вполне безобидный; несмотря на лишний вес, одышку и вечный запах пота, считал себя неотразимым донжуаном и, как ни странно, пользовался у дам некоторым интересом.

— Очень хорошо, — сказал Троекуров, и по его тону можно было без труда догадаться, что все совсем нехорошо. — Сидел себе господин капитан-лейтенант дома, никого не трогал, с дорогой женой чай пил... И тут является к нему парочка репортеров из «Санкт-Петербургских ведомостей», всаживают пулю в самое сердце и...

Евсей Макарович не закончил живописание воображаемой картины преступления, поскольку почувствовал, что его отвлекла какая-то деталь в собственном повествовании. Какая-то мысль, которая показалась спасительной... Сидел... пил чай... А, вот: жена!

— Господин капитан-лейтенант женат? — обернулся он к Свинцову, который пока что выглядел наиболее информированным из числа имевшихся на месте чинов полиции.

— Так точно! — бодро отозвался околоточный надзиратель. — Сидит на кухне, соли нюхает. Там с ней старший дворник Мошков, — добавил он, сбавив тон, — следит, как бы руки на себя не наложила — сильно переживает.

— Ну-с, картина, кажется, приобретает ясность... — заметно приободрившись, объявил пристав, прошелся по комнате и у двери развернулся на каблуках. — Жена крутила амуры с репортеришкой, вот и шампанское для этих нужд

припасено было... Внезапно вернулся муж, — Троекрутов сделал пару шагов и расставил руки, показывая, в каком недоумении оскорбленный супруг мог застать картину распутства, — увидел прелюбодейство и в порыве страсти расправился с негодяем. Бах, бах! — Евсей Макарович произвел пару «выстрелов» из пальца. — Потом осознал весь ужас совершенного преступления, сел в кресло и — сам.

Подойдя к креслу, где покоилось тело, майор приставил палец к груди и издал звук выстрела, завершив свой нехитрый следственный эксперимент.

— Как мы видим, никакого отношения к военной службе убитого происшествие не имеет — налицо, с позволения сказать, обыкновенный адюльтер.

Евсей Макарович поправил шашку на боку и двинулся к выходу, намереваясь покинуть место преступления.

— А как же третий участник? — не сдержал удивления Жарков.

— Жена? — уточнил пристав, прекрасно понимая, кого имеет в виду криминалист.

— Нет, не жена, — насупившись, стоял на своем Петр Павлович. — Тот, кто стрелял в Лундышева. — Он указал на окно, в которое, как предполагалось, улепетнул убийца.

— Вам же сказали — имело место самоубийство, — скорчив снисходительную улыбочку, вступил в разговор старший помощник. — До-

